

АНАР
ДЕДЕ
КОРКУТ

Эпос народов Евразии

Анар Рзаев

Деде Коркут

«Марджани»

УДК 821.512.162-31 Анар Р.
ББК 84(5Азе)6-44

Рзаев А. Р.

Деде Коркут / А. Р. Рзаев — «Марджани», — (Эпос народов Евразии)

ISBN 978-5-903715-38-1

Вниманию читателей предлагается оригинальная повесть азербайджанского писателя Анара, написанная по мотивам древнего тюрко-огузского эпоса «Книга моего деда Коркута». В повести освещены почти все сюжеты, сюжетные линии, эпизоды и даже отдельные мотивы памятника далекой старины. В его повести очень рельефно подчеркнута все то положительное, чем жило огузское общество и что увековечено сказителями. Основной пафос повести «Деде Коркут» составляет стремление огузов жить в мире и согласии между собой и с соседями. В предлагаемой читателям повести Анара «Деде Коркут» сохранен своеобразный стиль тюркского героического эпоса. То романтично-лирические, то сурово-эпические, то фантастические, увлекательные сюжетные линии, занимательные сцены и эпизоды делают ее привлекательной не только для юношества, которому книга адресована, но и для всех любителей художественного слова.

УДК 821.512.162-31 Анар Р.

ББК 84(5Азе)6-44

ISBN 978-5-903715-38-1

© Рзаев А. Р.

© Марджани

Содержание

Доктор филологических наук Х. Короглы	6
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Анар Расул оглу Рзаев

Деде Коркут

Данное издание осуществлено при поддержке Фонда Марджани с целью возрождения культурного наследия, развития сотрудничества в области культуры и образования, укрепления дружбы и взаимопонимания между народами России и СНГ. Президент Фонда Рустам Сулейманов.

- © Анар Расул оглу Рзаев, автор переложения
- © Тогрул Нариманбеков, иллюстрации
- © Халык Короглы, вступительное слово
- © Татьяна Аникеева, Дмитрий Васильев, послесловие и комментарий
- © «Издательский дом Марджани»
- © Suleiman Collection

* * *

Доктор филологических наук Х. Короглы **Об этой книге и ее истоках**

В 1815 г. немецкий востоковед Диц (1751-1817) опубликовал в переводе на немецкий язык одно из двенадцати сказаний огузского героического эпоса «Книга моего деда Коркута», рукопись которого была обнаружена в Национальной библиотеке города Дрездена. Перевод вызвал настоящую сенсацию. Огузский Тепегёз (Темя-глаз), главный персонаж памятника, являл собой родного брата циклопа Полифема из «Одиссеи» Гомера.

Возникает вопрос: какова связь между древнегреческим мифологическим образом и столь же мифологическим персонажем эпоса огузов, переселившихся из Центральной и Средней Азии на территорию Азербайджана и Малой Азии в XI веке? Для выяснения этого вопроса обратимся сначала к древнегреческому путешественнику и историку Геродоту (V в. до н. э.). После описания исседонов – одного из многочисленных племен Центральной Азии – он сообщает: «..А выше его, по рассказам исседонов, живут одноглазые люди и стерегущие золото грифоны. Со слов исседонов повторяют это скифы, а от скифов знаем мы, почему и называем их по-скифски аримаспами. Словом „арима“ скифы называют „один“, а „спу“ на их языке – „глаз“». Территория аримаспов, судя по древним источникам, находилась где-то между Восточным Уралом и Алтаем. Для нас особенно ценен тот факт, что миф этот бытовал в тех местах, где обитали «аримаспы» Геродота. В самом деле, в XIX в. казахский этнограф Ч.Ч. Валиханов (1835-1865), а вслед за ним русский востоковед П.В. Остроумов записали в киргизско-казахских степях миф об одноглазых великанах, сюжет которого в главных чертах совпадает с мифом о Полифеме в «Одиссее», в особенности со сказанием о Тепегезе «Книги моего деда Коркута».

А кто же были огузы? Так именовали себя объединенные тюркоязычные племена, жившие еще в VI–VIII вв. на Алтае и в Центральной Азии, а до X в. – в Средней Азии и Поволжье. С конца X по XIII в. они проникали в Закавказье, оседали там или вели кочевой образ жизни. В течение длительного времени эти племена играли одну из главных ролей в этногенезе азербайджанцев и стали основной составляющей этого народа. Огузы обладали богатым фольклором, в частности эпосом, который из поколения в поколение передавался изустно. На новой родине, в Азербайджане, очевидно, в XIII в., они синтезировали двенадцать народных сказаний о древних богатырях, мифических персонажах типа упомянутого Тепегеза, расцветили их многими событиями из собственной жизни уже на территории Закавказья и Малой Азии, создав, таким образом, великолепный по языку и стилю эпический памятник – «Книгу моего деда Коркута», дошедший до нас в рукописи XVI в.

Огузские сказания, включенные в упомянутый памятник, разнотипны и не связаны между собой ни темой, ни сюжетом. Общими для них являются лишь имена героев и персонажей, а главное – образ древнетюркского старца, певца подвигов огузских богатырей Деде Коркута.

Являясь эпической историей народа, сказания памятника в первую очередь ярко выражают межплеменную сплоченность перед опасностью нападения врагов. Многие из них насыщены бытовыми и этническими деталями. Красочно описаны в памятнике всевозможные приключения огузских богатырей, свадебные обряды, единоборство героев с силами зла. В сказаниях отражены и социально-нравственные черты огузов, родоплеменные связи и взаимоотношения в семье. Только в одном, двенадцатом, сказании говорится о разногласиях и распри среди огузов. Весьма вероятно, что это сказание складывалось в период борьбы между огузскими беками за власть.

По мотивам «Книги моего деда Коркута» азербайджанский писатель Анар создал повесть, которая предлагается вниманию читателей. Свою повесть Анар назвал «Деде Коркут». Он построил ее так, что в ней освещены почти все сюжеты, сюжетные линии, эпизоды и даже отдельные мотивы памятника далекой старины. В то же время повесть эта – оригинальное произведение. В ней очень рельефно подчеркнута все то положительное, чем жило огузское общество и что увековечено сказителями. Основной пафос повести Анара составляет стремление огузов жить в мире и согласии между собой и с соседями. Анар проявил большое умение, создав композиционно целостное произведение из разносюжетных сказаний первоисточника. Фактически он синтезировал эпическую историю огузов, художественно переосмыслив все то, что происходило с ними, чем они жили, какими идеалами руководствовались.

События повести развиваются в совершенно ином плане, чем в «Книге моего деда Коркута». Автор начинает свое повествование с междоусобиц давно минувших дней, когда огузские беки уничтожали друг друга, а погибая, оборачивались грудой камней. Это очень удачный ракурс, напоминающий нам о реально существующих памятниках – надгробных камнях и каменных фигурах (балбалах), воздвигнутых над могилами древнетюркских, в том числе древнеогузских богатырей. Ими богаты просторы Сибири и Енисейской поймы. Этот своего рода эпитафия, вмонтированный писателем в ткань эпических сказаний, во многом разъясняет, почему огузские племена покинули свою родину и пустились в бесконечные дали, пока не добрались до Кавказских гор и малоазийских степей, принося с собой и передавая из уст в уста песни о подвигах и поражениях своих далеких предков. Новаторством писателя является и то, что он ввел в повесть известную легенду о бегстве Деде Коркута от смерти. Этой легенды нет в огузском памятнике, но она очень популярна среди тюркоязычных народов. Мотив бегства проходит сквозь всю повесть, делая тем самым Деде Коркута свидетелем всех событий, которые и побудили его сложить и спеть свои сказания. В повести значительно переосмыслен миф об Одноглазом. Он превращен в увлекательный рассказ о грабителях караванов. В эпическом плане выдержано описание борьбы этого чудовища с одним из самых обаятельных героев памятника – Бейреком, победившим одноглазого великана и освободившим купцов из плена.

Повесть Анара написана в стиле эпических произведений. То романтично-лирические, то суровоэпические, то фантастические, увлекательные сюжетные линии, занимательные сцены и эпизоды делают ее привлекательной не только для юношества, которому она адресована, но и для всех любителей художественного слова.

* * *

Зеленогрудые древние горы такой схватки не знали. Глубокие тесные ущелья такого побоища не ведали.

Был тот день тяжким для огузов. Друг сражался с другом, родич с родичем, брат с братом, отец с сыном. Откуда грянула на головы племени огузского кровавая беда?

Пусть придет праотец народа, мудрый прорицатель Деде Коркут, возьмет в руки кобзу, слово молвит, песнь затянет, поведаст о том, что было, что миновало.

Но Деде Коркут песни не заводил, кобзы не трогал. Говорили шестоперы, гремели мечи, свистели стрелы, ржали кони. Кто уловил бы хоть слово, кто стал бы слушать кобзу? Деде Коркут с увещанием подходил к огузским конникам, призывал прекратить братоубийство, но никто на него не взглянул, никто не вслушался. У воинов, никогда не вынуждавших Деде Коркута повторять что-либо дважды, сегодня пылали глаза, мутился разум.

Двое джигитов во весь опор гнали коней навстречу друг другу. Сшиблись. Кони взвились на дыбы. Один всадник, схватив другого за пояс, швырнул его наземь. Но смерть настигла и того, кто сбросил его с седла. Стрела со свистом вонзилась в грудь его. Он простер руку, обнял шею своего коня, соскользнул на землю. Еще одна шальная стрела попала в коня. Конь вытянулся рядом с джигитами.

Ратники истребляли друг друга: рубили мечами, сокрушали дубинами; кто прицеливался стрелой, кто нападал с копьем, кто, раскрутив аркан, сбрасывал всадника с седла...

Погибая, джигиты и кони застывали, обращались в камень. Возгласы, стоны, ржание слышались все реже.

Под конец никого не осталось и ничего не слышалось. Поле брани было заполнено каменными телами. Каждый застыл в том движении, в каком застигла его смерть.

Среди этих каменных истуканов горестно брел седой старец – Деде Коркут, ведя в поводу жеребца с белой звездой во лбу.

Он взобрался на вершину утеса, посмотрел вокруг. Каменные изваяния утратили четкость линий. Теперь это были уже не люди, не лошади, а просто похожие на них причудливые скалы. Камни, камни, груды камней – только это и осталось от кровавой бойни! Только это и осталось от огузских племен!

Камни, скалы, утесы... И ни единого звука, ничего живого...

Вздыхнул Деде Коркут, заплакал, дернул за узду своего жеребца с белой звездой во лбу, двинулся в путь, прошел горы и ущелья, вышел к лесу. Был этот буковый лес кладбищем. Казалось, буки, словно кроты, выбирались из могил. А на могилах стояли каменные бараны. Будто целое стадо превратилось в камень в этом лесу.

Деде Коркут посмотрел на каменных баранов, посмотрел на могилы и услышал какой-то звук. Обернулся и увидел, что молодой парень в черных штанах копает землю.

– Парень, – окликнул его Деде Коркут, – что это ты роешь?

Парень искоса взглянул на Деде Коркута. На лице его и в глазах мелькнуло что-то злое, но он спокойно сказал:

– Могилу рою, Деде.

– Кому?

– Тебе.

Вздрогнул Деде Коркут. Парень продолжал свое дело.

Отлетали в сторону комья земли, рос холмик на краю ямы, углублялась могила. Страх охватил Деде Коркута. Опешил он, остолбенел, но послышался новый звук. Он поднял голову. Щебетавшие на дереве птахи, как маленькие камушки, посыпались с веток на землю. Их никто не сбивал – они сами вдруг попадали. Попадали и застыли. И само дерево вдруг высохло, зеленые листья пожелтели, опали, и понес их ветер.

Ветки оголились.

Росистые луговые травы расти перестали.

Журчащие родниковые воды течь перестали.

Быстрокрылые птицы на лету остановились.

Быстроногие олени на бегу замерли.

Куда ни смотрел Деде Коркут, везде он видел смерть.

Из чащобы с шипением выползла пестрая змея, обвила ногу Деде Коркута и, подняв головку, приготовилась ужалить его.

Деде Коркут встрепенулся, метнулся в сторону, вскочил на своего жеребца с белой звездой во лбу. Конь фыркнул, сорвался с места, помчался в горы, унося Деде Коркута от могилы, от смерти.

Но и парень не оставил работы. Долго он смотрел вслед исчезающему всаднику, потом усмехнулся и вновь стал копать.

Деде Коркут перевалил гору Газылык, на которой и летом не тают снег и лед, пролетел по отвесным скалам через бурные реки, через долины и ущелья. Его белая одежда стала бурой. Явился он в другие края.

Оказался Деде Коркут на берегу бескрайнего моря. Берег был пуст. Он спешился. Набрал в горсти морской воды, ополоснул лицо, посмотрел на солнце, улыбнулся, лицо его посветлело. Вдруг, уловив неясный звук, он прислушался, осмотрелся, увидел вдали какую-то тень, направился к ней. Подошел поближе – мужчина в зеленых штанах землю роет. Деде Коркут поздоровался.

– Что это ты роешь, добрый человек? – спросил он.

– Тебе могилу рою, Деде, – сказал мужчина и, распрямившись, взглянул на него.

Облик мужчины, годы его и лицо были иными, но глаза все те же – зловещие глаза давешнего парня.

Деде Коркут наклонился, заглянул в могилу. Могила была глубже, чем прежде, и бугор на краю ее повыше.

Деде Коркут вскочил на коня, стегнул его плетью. Конь унес его прочь.

Они неслись через камыши, через болота, по непроходимым топям, сквозь густые леса, пили быстротекущую голубую воду. Попадали под дождь, под град, под снег. Добрались до белого края, где на все четыре стороны только лед, снег да иней. Ни голоса человеческого, ни следа. И конь устал, и Деде Коркут устал.

Спешился Деде Коркут, посмотрел направо, посмотрел налево и вдруг услышал неясный звук. На белом поле виднелась тень. Человек преклонных лет, в синей шубе, топором рубил лед. Деде Коркут подошел к нему. Человек, распрямившись, посмотрел на Деде.

– Мало осталось, Деде, – сказал он. – Ты же знаешь, что мужчине могила должна быть по колено. А по колено – что тут осталось?..

Деде Коркут взглянул – глаза были те же, и могила во льду глубока. Что там осталось, чтоб по колено?

Деде вскочил на жеребца с белой звездой во лбу, пришпорил его. И конь был утомлен, и всадник.

Поскакали, помчались – и из этого края ушли. Вновь перевалили гору Газылык, на которой и летом не тают снег и лед, – и вдруг увидели, что вернулись туда, откуда ушли. Тот самый букочный лес, те же каменные бараны. Тот же парень. Нет, не парень, какой там парень! Согнувшийся дугой старец стоял по колено в яме. Увидел Деде Коркута, вылез. Был он очень стар, волосы у него поредели, но глаза были все те же.

– А, Деде, – сказал он, – ты вернулся? Понял, что от смерти не убежишь? Могила готова. Ну, давай ложись!

Старец вошел в лес и исчез среди деревьев.

Деде Коркут слез с коня – у него не осталось сил бежать от смерти. Присел он на бугор на краю могилы. Из чащобы с шипением выползла пестрая змея, извиваясь, подползла к Деде. Деде увидел ее, но не двинулся с места. Безмолвно сидел и ждал.

Мертвые птицы рассыпались по земле. Трава, цветы пожухли. Ветки были голые. Словно и мир покорился смерти.

Деде Коркут горестно огляделся по сторонам, посмотрел на своего жеребца с белой звездой во лбу, понурившего голову, посмотрел на кобзу, привязанную к седлу. Встал, вытащил кобзу из мешка, прижал к груди, помолчал. Перед его мысленным взором прошли огузские

джигиты, кровавая битва, каменные истуканы, а потом – обломки скал, безликие глыбы камней...

Змея доползла до Деде Коркута. Еще мгновение – и ужалит. Вдруг Деде Коркут провел пальцами по струнам, зазвенели струны, и под звуки кобзы он заговорил:

– Где те гордецы, что кричали, будто мир принадлежит им? Смерть взяла, земля скрыла, а бранный мир и без них стоит. Преходящий мир, смертный мир! Старый Коркут, ты уже мертв, знай это! Караван ушел, ты опоздал, знай это! Сколько ни живи, конец – смерть, исход – разлука...

Деде Коркут играл на кобзе. Пестрая змея хотела его ужалить – и вдруг остановилась. Под звуки кобзы свернулась она, поползла назад, исчезла.

Деде Коркут играл на кобзе. С земли взлетели птичьи стаи – сели на ветки, защибетали.

Деде Коркут играл на кобзе. Выпрямлялись деревья, ветви покрывались листьями, на склонах приподнимали головки цветы, оживали травы, в иссохших руслах зажурчала студеная вода.

Деде Коркут играл на кобзе – и жизнь пробуждалась вновь, а сам Деде позабыл и могилу, и смерть, и вечную разлуку. Вновь жил он в прекрасном мире, воскрешенном струнами кобзы, в мире отважных джигитов, великодушных воинов. Деде Коркут играл – и под звуки кобзы рассказывал о том, что приключилось с огузами. Послушаем, что он рассказывал.

– Однажды хан ханов Баяндур-хан проснулся рано поутру и повелел, чтобы на Высокой горе развели костер.

И вот на вершине Высокой горы пылает костер. И на других вершинах, далеких-далеких, один за другим загораются костры. Говорит Деде Коркут:

– У огузского племени был обычай. Когда созывали огузских джигитов и дев на праздник, на вершине Высокой горы разжигали костер. Увидев огонь, на других горах тоже разводили костры, и так все люди узнавали, что надо одеться понарядней и пойти на пир. Если загорались два костра, все знали, что над племенем нависла опасность, грозит нашествие, – и тогда джигиты вооружались, собирались все вместе.

Собираются огузы на праздник. Перед ними зеленая-зеленая равнина, а на ней яркие разноцветные палатки, шатры, навесы, пологи. На лугу расстелены пестрые шелковые ковры.

По гобустанскому валуну, именуемому Гавалдаш, четверо бьют круглыми гладкими камнями. В другой стороне гулко звучат большие барабаны, поют золотые трубы, звуки зурны устремляются в небо.

В небо летит дым костров, разведенных в семи местах. В семидесяти семи местах поставлены изукрашенные глиняные кувшины с холодной водой, с красным вином. Сверкают под солнцем медные блюда и казаны. На крючьях висят мясные туши.

Говорит Деде Коркут:

– Баяндур-хан велел поставить свой сирийский полог, велел поднять до небес свой пестрый шатер, велел разложить тысячу шелковых ковров, велел зарезать гору баранов, велел налить озеро вина. Раз в году Баяндур-хан задавал пир и угощал огузских джигитов.

Джигиты по одному подъезжали, слезали с коней, подходили к большой островерхой палатке, приветствовали сидящего на возвышении Баяндур-хана. Рядом с Баяндур-ханом стоял его визирь Алп Аруз-Лошадиная морда. Как все огузские богатыри, Алп Аруз был громаден. Шуба из девяноста шкур не доходила до пят, папаха из девяноста шкур не налезала на уши. Алп Аруз провожал гостей в палатки. Палатки были трех цветов: белые, золотистые, черные.

Огузские джигиты Бейбура́ и Бейбеджа́н прибыли на пир вместе. Сошли с коней, поздоровались с Баяндур-ханом.

Аруз вышел им навстречу.

– Пройди, Бейбеджан, – сказал он, провожая Бейбеджана в белую палатку. Когда Бейбура тоже хотел войти в белую палатку, Аруз преградил ему путь.

– Бейбура, – сказал он, – твое место в черной палатке.

Бейбуру и тех, кто прибыл с ним, отвели в черную палатку. Пол в черной палатке был застлан черным войлоком, и все здесь было черным-черно – и скатерть, и посуда. И слуги были в черных одеждах. В белой палатке – все белое, а в золотистой – все золотое... Бейбура нахмурился:

– Аруз, – молвил он, – почему ты привел меня сюда?

Аруз отвечал:

– Таково повеление Баяндур-хана!

Бейбура еще пуще расстроился:

– А чем я Баяндур-хану не потрафил? – молвил он. – Моим ли мечом, моим ли столом? Людям ниже меня он белую палатку отвел, золотистую палатку! В чем моя вина, что меня он в черную палатку послал?

Аруз отвечал:

– Баяндур-хан повелел: у кого сын – разместить в белой палатке, у кого дочь – в золотистой. А у кого нет ни сына, ни дочери, того, сказал он, поместите в черной палатке, постелите ему черный войлок, поставьте перед ним мясо черного барана. Станет есть – пусть ест, не станет – пусть идет куда хочет. У кого нет ни сына, ни дочери, того Бог невзлюбил и мы любить не станем.

Бейбура вскочил с места, обратился к своим людям:

– Джигиты мои, уйдем отсюда! Этот стыд постиг меня либо по моей вине, либо по вине моей жены.

Бейбура и его люди пошли прочь из черной палатки. Из других палаток выглядывали, смотрели на них пирующие. А Бейбура ни на кого не глядел, ни с кем не заговаривал. Ни с кем не простившись, вскочил он на коня и бросил Арузу:

– Аруз, – молвил он, – я у тебя в долгу не останусь!

Бейбура разрезал воздух плетью, стегнул коня, конь взвился, сорвался с места. Вслед поскакали люди Бейбуры, удалились, исчезли в пыли.

Владения Бейбуры располагались в цветущей местности Баят. С одной стороны – отвесные горы, с другой – река, а еще – луг, а еще – лес. Шатры и хижины веселили взор. Дым от очагов таял в голубом небе. На берегу реки детвора играла в прятки, в ловитки, в горелки.

Перед одной из хижин стояла Фатма Брюхатая. Около нее вертелась стайка малышей, и снова она была беременна. Уперев руки в боки, Фатма кричала:

– Эй, Зулейх! Зибейда! Урида! Что я, помирать уходила? Что с вами стало б, если бы приглядели за моим домом? Воришка-щенок забрел, все вверх дном перевернул...

Из другой хижины вышла женщина, что-то ей отвечала.

Послышался топот копыт. Появились Бейбура и его люди. Перед своим шатром Бейбура спешился, вошел внутрь. Увидев его угрюмым, встревожилась жена его Айна Мелёк.

Бейбура молвил:

– Жена моя, знаешь ли ты, что случилось? Визирь Баяндур-хана Алп Аруз-Лошадиная морда опозорил меня перед всеми. Говорит, нет у тебя ни сына, ни дочери – значит, невзлюбил тебя Бог и мы не полюбим. Ты ли виновата? Я ли? Почему Аллах не даст нам крепкого сынка? За что наказание?

Бейбура чуть не плакал.

– Не гневайся на меня, – отвечала Айна Мелек, – не говори мне столь горьких слов. В чем твоя вина? В чем моя? Значит, судьба наша такая...

Айна Мелек заплакала, заголосила. Бейбура не мог этого вынести и вышел вон. Тяжело шагая, дошел он до границы селения. Играющие дети испугались, что он такой, разбежались. Бейбура тоскливо и долго смотрел им вслед. Топот копыт отвлек его от грустных мыслей. Прискакавший Бейбеджан соскочил с коня, подошел к Бейбуре.

– Бейбура, – сказал он, – не убивайся! Увидишь голодного – накорми, увидишь раздетого – одень, увидишь обремененного долгами – выплати за него. Может быть, настанет еще такой день, когда ты на пиру у Баяндур-хана будешь сидеть в белой палатке как отец своего сына. А если мне Бог пошлет дочь, клянусь, она еще в колыбели будет обручена с твоим сыном!

Бейбура и Бейбеджан обнялись.

Айна Мелек тайно вышла из своего шатра и пришла в хижину Фатмы Брюхатой.

Фатма Брюхатая ела. Раздавила в пятерне большую луковицу и захрустела крепкими зубами. Айна Мелек поведала ей свое горе. Фатма слушала, не переставая жевать. Иногда в хижину заглядывали ее дети, она им совала в руку луковицу и отсылала прочь.

– Что я могу? – сказала она. – В этой развалюхе ни муки, ни отрубей. Верблюд с мельницы не вернулся! Провалился он, этот дом! С тех пор, как вышла замуж, ни разу не ела досыта, губы мои не смеялись, ноги мои не видели обуви, а лицо – покрывала. Вот подход бы мой непутевый – вышла бы за другого, может, больше бы повезло...

Айна Мелек опять принялась за свое:

– Муж истаял, как свечка, очень уж горюет. Не знаю, в чем наша вина, что Господь не дает нам ребенка.

Фатьма сказала:

– Эх, пепел на голову и мужей, и детей! Вон у меня девять, – она показала на свой живот, – и десятый в пути! Ну и что? Хорошо мне живется, что ли?.. Ладно, не убивайся так, – добавила она. – Я знаю, тебя заворожили. От колдовства я тебя избавлю, но надо, чтобы ты сделала все, что я скажу.

Среди ночи Фатьма и Айна Мелек пошли на кладбище. В лунном свете могильные камни отбрасывали причудливые тени. Фатьма оторвала от одежды Айны Мелек лоскут и закопала его подле могильного камня.

К утру Фатьма и Айна Мелек пришли к раскидистому дереву. У дерева стояла каменная статуя верблюда. Это было святое место. На ветвях висели лоскутья, тряпицы. Фатьма оторвала от платья Айны Мелек лоскут, намотала на палочки, сделала крохотную люльку, повесила ее на ветку. Три раза обвела Аину Мелек вокруг дерева. Потом, раскачивая люльку, пропела заклинание.

Под вечер Фатьма вышла из хижины, вынесла мужнины шаровары, взялась за штанины. Велела Айне Мелек пройти под одной штаниной, потом под другой...

Бейбура по совету Бейбеджана кормил голодных, наделял раздетых, резал баранов, раздавал их тушами. Люди приходили к дверям Бейбуры с пустыми руками, уходили нагруженные. Но мечта мужа и жены не сбывалась. Грустно смотрели они друг на друга.

Деде Коркут играет на кобзе, приговаривает:

– О ком поведать вам? О Бекиле? Бекил был стражем огузского племени. Обосновался он на вершине Высокой горы. Охранял он весь край – от крепости Алынджи, от Гянджи и Барды до Железных ворот – Дербента. И радостную весть, и печальную сообщал он всем, зажигая костры.

На самом высоком пике Бекил собрал дрова, подготовил костер, но не зажег. Вооруженный, снаряженный, собрался он на охоту...

Бекил слыл непревзойденным охотником. Он не натягивал тетивы, не выпускал стрелы: догонял джейрана, накидывал аркан ему на шею, доставал нож, прокалывал ему ухо и отпускал. Джейран жил с меткой Бекила.

И вновь Бекил сделал так, улыбнулся довольно, стегнул коня и пустился за другим стадом джейранов. Заарканил еще одного, и ему проколол уши, и его отпустил.

В хижине Фатьмы Брюхатой тихо плакала Айна Мелек.
– Видно, и вправду невзлюбил нас Бог, – говорила она.

Фатьма Брюхатая, по своему обыкновению жуя что-то, поставила на стол арбуз.
– Не грусти, сестрица, – молвила она, – поешь вот арбуза.
– Не хочется, – отвечала Айна Мелек. – Мне все кисленького да соленького хочется.
Фатьма сперва не обратила внимания на эти слова, а потом вдруг вскочила.
– Что?! – крикнула она. – Соленького? Подошла к Айне, они пошептались.
– Да, да, да, – повторяла Фатьма, радостно хлопая ладонью о ладонь.
Айна Мелек онемела от радости. Фатьма быстро срезала верхушку арбуза, разделила его на четыре части и кинула на землю – две упали на одну сторону, две – на другую.
– Мальчик! – сказала Фатьма.
Айна Мелек понесла. Она лежала в своем шатре, Фатьма была рядом с ней.
– Смотри, не ешь зайчатины, а то ребенок будет с заячьей губой, – говорила она. – И ежевику не ешь – беспокойный будет. В зеркало смотришь, на луну гляди, чтобы ребенок был, как молодой месяц.

Бейбура и Бейбеджан вышли на охоту. Они гнали по равнине джейранье стадо. Бейбура натянул тетиву, прицелился, послал стрелу. Подскакали они к раненому джейрану. Стрела вонзилась ему в бок, но Бейбура увидел, что ухо его продырявлено, показал Бейбеджану.

– Видишь, Бейбеджан, – молвил он, – это из джейранов Бекила. Он продырявил ухо и отпустил самца.

– Надо отправить его Бекилу, – отвечал Бейбеджан. – Его добыча!

– Пусть будет так, – сказал Бейбура и дал джейрана одному из своих людей: – Отнесите Бекилу!

В это время подъехал к ним всадник.

– Магарыч, Бейбура! – крикнул он. – У тебя родился сын!

Лицо роженицы Айны Мелек было усталым и счастливым. Около нее стояли треножник и медный таз, полный воды. По древнему поверью, с ними женщина рождает легко. Фатъма Брюхатая покрыла таз чистой тряпицей. В одеяло Айны Мелек, в ее одежду она воткнула иголки – защита от сглаза. Потом Фатъма положила в банку луковицу, отнесла ее к дверям. Под подушкой Айны Мелек спрятала кусок хлеба и мяса.

Бейбура и Бейбеджан скакали. И опять перед ними появился всадник. Окликнув Бейбеджана, он сказал:

– Магарыч, Бейбеджан! У тебя родилась дочь. Бейбура обнял друга.

– Бейбеджан, уговор дороже золота, – сказал он. – Смотри, твоя дочь с колыбели нареченная моему сыну!

Перед Бейбурой стояли три купца.

– Купцы, – сказал Бейбура, – слушайте меня. Судьба подарила мне сына. Я щедро награжу вас. А вы соберитесь в дорогу. День ли, ночь – не глядите. Пройдите черные горы, красные воды, именитые города из края в край до конца земли – и доберитесь до страны греков. К возмужанию сына моего добудьте ему добрые гостинцы.

Потом Бейбура обратился к джигитам:

– А вы, мои джигиты, отправляйтесь к Бекилу. Пусть разожжет костер на Высокой горе, возвестит всему нашему краю: у Бейбуры из рода львов, у Бейбуры с повадкой барса родился сын. Пусть соберутся все воины с открытой душой. Будет большой пир в честь моего сына!

На Высокой горе пылал костер. И на вершинах далеких-далеких гор горели такие же костры.

Бейбура задал большой пир. Гремел Гавалдаш. Взрывались хлопушки. В сорока местах развели огонь, в сорока местах расстелили пестрые ковры. В восьмидесяти местах стояли узкогорлые золотые графины, широкогорлые золотые кувшины. В девяноста местах были сооружены разноцветные палатки – белые палатки, золотистые палатки, черные палатки.

Бейбура молвил жене:

– Хана ханов Баяндур я отведу в золотистую палатку: у него нет сына, только дочь. Алп Аруза пошлю в черную палатку: у него нет ни сына, ни дочери. Бог его невлюбил, и мы не полюбим...

Джигиты прибывали по одному. Бейбура весело встречал их, провожал в палатки. Алп Арузу он показал черную палатку. Ни он не сказал ни слова, ни Аруз. Аруз вошел – это была такая же палатка, как на торжестве у Баяндур-хана – на полу черный войлок, посуда черная, слуги в черном. Аруз молча сел. Лицо его словно застыло. Но вдруг с усов его закапала кровь. За Алп Арузом это водилось: когда он злился, с усов его капала кровь.

На другом конце становища Айна Мелек встречала женщин. Среди женщин была юная красавица, высокая, с тонким станом, в богатом платье: это была дочь Баяндур-хана – статная Бурла-хатун. Ей исполнилось пятнадцать лет.

Бурла-хатун украдкой, воровато поглядывала в ту сторону, где собрались молодые джигиты.

Молодые джигиты стояли, прислушивались к беседе своих отцов, дядьев, сидящих на коврах.

Невдалеке была огороженная площадка. Через некоторое время на эту площадку обратились все взоры. На нее выпустили быка и верблюда с налитыми кровью глазами. Они были выучены для боя. Трое мужчин справа, трое слева удерживали быка на железной цепи. Вывели быка на середину. С другой стороны шестеро мужчин привели верблюда.

Внезапно бык сорвался с цепи и кинулся не на верблюда, а к изгороди. Все со страху сгрудились в одном углу. Бык налетел на изгородь, разрушил ее и вышел вон.

Люди в смятении натыкались друг на друга, а бык сразу помчался на женскую половину, нацелился рогами на красное платье Бурлы-хатун, ринулся прямо на нее. Испуганная девушка прижалась к палатке. Бык совсем было добежал до нее. Все растерялись, стояли, не шелохнувшись.

Вдруг один из молодых джигитов – парень лет семнадцати – в мгновение ока выскочил вперед, встал перед быком, преградил ему путь, ударил быка кулаком по лбу. Бык остановился как вкопанный. Потом отступил назад и со всей силы кинулся на парня. На этот раз юноша уперся кулаком в бычий лоб. И так оба застыли. Бык не мог одолеть парня, парень быка. У парня взбухли жилы. Бык был сильнее. Вдруг парень убрал кулак и отскочил в сторону. Бык не удержался на ногах, упал на рога. Не упустив минуты, парень выхватил нож и отсек быку голову.

Выпрямился молодой джигит, улыбнулся побледневшей Бурла-хатун в красном платье. А Бурла-хатун, понемногу приходя в себя, улыбнулась молодому джигиту.

Баяндур-хан сказал:

– Молодец! – И, обращаясь к воинам, добавил: – Дайте этому парню добрый меч: он силен. Дайте ему бедуинского коня: он смел. Дайте ему кафтан с вышитой на плече птицей: он быстр. Пусть придет Деде Коркут, даст парню имя.

И вот Деде Коркут стоит в логове льва, на вершине белой скалы, а молодой парень перед ним на коленях, с опущенной головой. Деде Коркут дает джигиту новое имя, приговаривает:

– Сын мой, ты славно сражался, показал себя, одержал победу. Пусть вся жизнь твоя будет победной. И имя пусть будет тебе Газан-победитель. Имя я дал, годы пусть судьба даст!

Гости захлопали в ладоши, имя всем понравилось. Бурла-хатун посмотрела на Газана, Газан – на Бурлу-хатун, в сердцах их запылал огонь любви.

Баяндур-хан обратился к Бейбуре:

– Бейбура, пусть наступит день, твой сынок вырастет, проявит себя храбрецом, мы так же порадуемся, а Деде Коркут и ему имя даст!

...Деде Коркут играет на кобзе, продолжает сказ:

– У коня ноги быстрые, у певца язык проворней. Прошли месяцы, утекли годы. И умирали в огузском племени, и рождались. Статная дочь Баяндур-хана Бурла-хатун вышла замуж за Газана, большую для них свадьбу сыграли, большая радость была. У Газана, у Бурлы-хатун родился сын по имени Турал. Бейбеджан покинул белый свет, его предали черной земле. Вырос сынок Бейбуры, стал бравым джигитом.

И вот сын Бейбуры, пятнадцатилетний Бейрэк, выехал верхом на прогулку. Он направил коня далеко, к Высокой горе.

По склону горы пешком шел могучий богатырь, сын охотника Бекила, Гараджа Чабан – Черный Пастух.

Праца Гараджа Чабана – сына охотника Бекила – сшита из шкуры трехлетнего теленка. На шитье пошла шерсть трех козлов. Всякий раз он метал камень весом в двенадцать батманов. Брошенный им камень на землю не возвращался. А уж если падал, выбивал яму как для костра и рассыпался в пыль. А там, где падал камень, три года не росла трава. Когда Гараджа Чабан сердился, он хватал большой камень, сжимал его в руке, превращал в прах и пус-

кал прах по ветру. Была у Гараджа Чабана большая пастушья палка. Когда Гараджа Чабан шел, волоча свою палку, по земле тянулась полоса, словно вспаханная сохой. Если смотреть на Чабана сзади, казалось, движется гигантское раскидистое дерево, потому что на голове он нес вязанку толстых сучьев, похожих на древесные стволы. Прыгая по камням, перешагивая расщелины, перескакивая через скалы, он взобрался на вершину Высокой горы. Выбрал место в стороне, стал разводить костер. Отец его, охотник Бекил, сказал:

– Сынок, Чабан, зачем тебе столько деревьев, зачем ты их сюда приволок?

Гараджа Чабан ответил:

– Сегодня у нас в гостях сын Бейбуры. Из этих деревьев я костер разведу, шашлык приготовлю, будем пить и есть, будем гостя угощать!

– Приятного вам угощения, – сказал Бекил. – Зажги огонь кремнем. Огонь от кремневого удара лучше горит.

Сын Бейбуры скакал к вершине Высокой горы, к Гараджа Чабану. А в это время из далеких краев шел верблюжий караван. Караван тех самых купцов, которых много лет назад Бейбура послал в страну греков. Прошел караван через древние города, крепости, руины. Тяжело нагруженные верблюды шагали раскачиваясь. И купцы были усталые, недоспавшие.

Сын Бейбуры и Гараджа Чабан сидели у костра, ели шашлык, приятно беседовали.

Караван спустился в узкое ущелье и с трудом продвигался вперед. Ущелье это называлось Кровавым. По дну Кровавого ущелья текла река.

Огромный человек сидел на склоне горы и, наклонившись, пил воду прямо из реки, текущей по дну ущелья. Лицо этого дикого великана было уродливое, жуткое: у него был всего один глаз – на темени. Теменной глаз-Тепегёз был разбойник. Он останавливал и грабил караваны. С горы скатилась большая скала. Тепегёз подставил плечо и отпихнул скалу.

Через реку, текущую по дну ущелья, вел неширокий мост. Караван направлялся к мосту.

Тепегёз пил воду из реки, услышал перезвон бубенцов и, не поднимая головы, увидел караван. Своим единственным теменным глазом посмотрел он на тяжело нагруженных верблюдов. Караван почти достиг моста, как Тепегёз испустил ужасающий рык. От рыка этого затряслись окрестные горы, покатались камни.

– Эй вы, людишки, – молвил Тепегёз, – остановитесь, разгрузайте верблюдов!

Старый купец отвечал:

– Как ты ужасен! Увидев тебя, глаза наши ослепли, руки опустились, губы похолодели, кости размякли. Чего ты хочешь от нас?

– Эй ты, глупец, – сказал Тепегёз, – тебе лицо мое не нравится, а я отнял жизнь у многих красавиц – светлоликих, ясноглазых. Я отнял жизнь и богатство у многих мужчин – белобородых и чернокудрых. И ваше добро заберу, и вас убью. Мясо ваше кину на съедение птицам и червям, а кости – моим щенкам. Ну-ка побыстрее слезайте на землю да тащите груз в мою Азыхскую пещеру!

Тепегёз сдвинул с места огромную скалу и покатил ее на верблюдов. Верблюды испугались. Купцы слезли с верблюдов, начали отвязывать тюки.

Склон горы весь был в рытвинах. Пещеры, норы, берлоги были, как разинутые пасти хищных зверей. Азыхская пещера Тепегёза зияла необъятной пустотой. В ней стояла полутьма, пламя больших светильников, горевших по углам, отбрасывало чудовищные тени. Свисающие с потолка, вытягивающиеся из земли ледовые и известняковые столбы походили на невиданные существа. На стене висели полосатые тигровые шкуры. Повсюду белели кости – человечески кости, звериные кости. То тут, то там лепились свечные огарки. На каменных выступах стояли человечески черепа. В стенах были трещины. От писка летучих мышей, гнездившихся в щелях, закладывало уши.

Вошедшие в пещеру купцы тряслись от страха. Тепегёз наклонился, откусил ухо у одного молодого купца, сжевал и проглотил. Купец закричал. Кровь зажурчала, как дудка.

– Быстрее, быстрее развязывайте тюки! – подгонял купцов Тепегёз.

Купцы, дрожа, начали развязывать тюки. Тепегёз рассматривал дорогие товары – шелковые ткани, золото и серебро, камень, драгоценности, оружие.

– Пах, пах, – говорил он, беря в руки изукрашенный меч, – если уж вы привезли такой прекрасный меч, придется этим мечом срубить ваши головенки.

Среди привезенных купцами даров был и Серый жеребец. Он стоял вместе с верблюдами у входа в пещеру. Молодой купец выбрал удачную минуту, вскочил на спину Серого жеребца и ускакал.

Сын Бейбуры простился с Гараджа Чабаном, сел на коня, спустился с горы на равнину.

Мало ли, много ли скакал молодой купец, а домчался до той же равнины, увидел сына Бейбуры, подскакал к нему, поздоровался. Лицо его было окровавлено. Сын Бейбуры молвил:

– Эй, смельчак, кто ты, откуда? И кто залил тебя кровью?

– Джигит, – отвечал молодой купец, – мы честные купцы. Много лет назад вместе со старшими братьями покинули мы этот край. Ходили в далекие страны, накупили дорогих товаров. Близ Железных ворот Дербента, в Кровавом ущелье, преградил нам путь разбойник. Туловище у него человечесьё, но на темени всего один глаз. Он отнял у нас товары. Говорит – и жизнь отниму. Откусил мне ухо и проглотил его, забрал моих братьев в плен. Я вырвался, прибежал к тебе. Помоги, джигит! Юноша пришпорил коня.

– Поезжай вперед, указывай дорогу, – молвил он.

Молодой купец отвечал:

– Джигит, этот разбойник очень зол! Может, ты повернешь назад, не захочешь, чтобы слетела с плеч твоя чернокудрая голова, чтобы вытекла твоя алая кровь, не допустишь, чтобы твой белобородый отец, седовласая мать плакали и причитали «сынок, сынок...»?

Юноша молвил:

– Зачем же ты мне обо всем рассказал? Если уж рассказал, я должен пойти: чтобы позор не пал на мою голову, чтобы грязь не забрызгала мне лицо. Что делать? Умру – земля полюбит, останусь жив – народ полюбит.

Они добрались до Кровавого ущелья.

– Эй, Тепегёз! Выходи, сразимся, поборемся, подеремся! Я хочу вырвать добрых людей из лап твоих!

Из темного входа пещеры выглянул единственный глаз Тепегёза. Он посмотрел на юношу, стоящего на дне ущелья, и захохотал.

– Парень, парень, ах ты плутишка этакий, паренек! – молвил он. – На жеребчике рыжем худенький паренек! С коротким мечом паренек, с обломанной пикой паренек, с тонкими стрелами паренек, с запавшими глазами паренек! Предо мной джигит удалым не бывает, как полынь-трава твердой не бывает! Пропащий глупец, сын глупца! Пока я не дотронулся до тебя ни рукой, ни ногой, поди прочь отсюда!

Юноша отвечал:

– Не болтай попусту, паршивый Тепегёз! Что тебе не нравится в моем рыжем скакуне? Увидев тебя, он запляшет. Что тебе не нравится в моем булатном мече? Он с маху разрубит твой щит. Чем тебе моя пика не нравится? Она выпустит дух твой в небо. Моя белая пыльная тетива застонет, мои девяносто стрел изрешетят твою кольчугу. Не запугивай честного воина – выходи, сразимся!

Тепегёз издал рык и вышел из пещеры. От его рыка содрогнулись горы, семь скал семь раз отозвались, камни на склоне горы сдвинулись и покатались. Тепегёз взял в руки палицу и кинулся на юношу. Тот поднял щит, защищаясь от палицы. Тепегёз ударил сверху. Щит раскололся; юноша был ранен, но не упал.

Тепегёз выхватил свой меч, парень – свой, начали они биться, не могли одолеть друг друга. Пиками кололись; лбами сшибались; боролись, хватая друг друга за пояс. Пики ломались, земля разверзалась, а они не могли одолеть друг друга.

Тепегёз зарядил лук, прицелился, выстрелил, ранил юношу в плечо, пролил его алую кровь, поднял свой меч, кинулся на юношу, хотел срубить ему голову, но юноша вывернулся, отскочил, зацепился арканом за ветку большого дерева, сам ухватился за другой конец, раскачался, перепрыгнул на ту сторону реки. Когда Тепегёз повернул голову и хотел посмотреть на него своим единственным глазом, юноша снова перепрыгнул на веревке на этот берег. Так он мотался на веревке туда-сюда, а Тепегёз своим единственным глазом не мог уследить за ним. Но вот юноша подпрыгнул очень высоко и, в воздухе прицелившись, послал стрелу прямо Тепегёзу в глаз. Тепегёз прижал руку к глазу и завопил:

– О-о, мой глаз, о-о, мой глаз! Мой единственный глаз, о-о, мой глаз! Ослепший Тепегёз махал палицей-шестопером направо, налево.

От ветра, вздымаемого этими взмахами, едва не валились с ног верблюды.

Юноша добежал до входа в пещеру, окликнул скорчившихся в углу купцов.

– Выходите, – сказал он. – Я ослепил Тепегёза.

Купцы вышли из пещеры. Старый купец, дрожа от стонов Тепегёза, молвил:

– Сынок, ведь там, в пещере, остались наши товары, наше добро!

– Сейчас я вытащу ваше добро из пещеры, – отвечал юноша и вошел в пещеру.

Тепегёз это услышал.

– Парень, – сказал он, – ты вошел в мою пещеру. Больше ты из нее не выйдешь. Теперь я тебя так запроу, что ты, как баран курдюком, пол пещеры вымажешь.

Тепегёз кинулся в пещеру. Юноша снял с каменного выступа человеческий череп и сунул его в руку Тепегёзу. Тепегёз решил, что это голова парня, и крепко схватил ее. Парень выскользнул вон и вытащил за собой товары.

Тепегёз молвил:

– Парень, ты вырвался?

Юноша ответил:

– Вырвался.

Тепегёз едва не лопнул от злости. Он ухватился за известняковый столб и начал его трясти. Здрожали стены пещеры. Юноша, купцы, караван были уже на дне ущелья. Вдруг как будто землетрясение началось. Тепегёз расшатал потолок, обрушил его себе на голову. Поднялся немыслимый грохот, рухнуло полгоры. Тепегёз остался под камнями, под землей.

Караван прошел Кровавое ущелье, вышел на равнину. Старый купец молвил:

– Храбрец! Ты спас нас от смерти. Выбери себе, что пожелаешь.

Юноша мельком взглянул на шелк, на кумач, на драгоценности и ответил:

– Купцы, добро ваше мне не нужно. А вот этот лук, эту палицу и этого серого жеребца я бы взял.

Купцы смутились. Юноша заметил это и усмехнулся:

– Что, много запросил?

Старый купец сказал:

– Нет, джигит, не много. Но у нас есть один покупатель. То, что ты пожелал, он задумал подарить своему сыну.

Юноша спросил:

– А кто же этот покупатель?

– Из Баятского края, Бейбура-бек, – отвечали ему. – Для его сына везем. Юноша улыбнулся, ничего не сказал, стегнул своего коня и ускакал.

Купцы, опешив, смотрели ему вслед.

– Ей-богу, добрый джигит, совестливый, благородный, – сказали они.

Бейбура сидел в своем шатре, и сын рядом с ним. Прошел слух, что прибыли купцы. Отец с сыном ждали их.

Купцы пришли к шатру. Наклонили головы, поздоровались, увидели, что их избавитель, джигит, сидит справа от Бейбуры, кинулись к нему, стали целовать ему руку. Бейбура нахмурился:

– Что это значит, невежи? – молвил он. – При отце прилично ли целовать руку сыну?

Старый купец спросил:

– Этот джигит – твой сын?

– Да, мой сын.

– Так не сердись, Бейбура, что мы сперва ему руку поцеловали. Если б не твой сын, и товары бы наши пропали, и жизни бы мы лишились. Твой сын – храбрец, он сражался за нас.

Бейбура сказал:

– Достаточно ли этого, чтобы дать ему имя?

– Да, и даже больше, – отвечали они. Пришел Деде Коркут.

– Слушай меня, Бейбура, – молвил он. – Пусть сын твой будет опорой племени. Если он будет переправляться через снежную гору, пусть Бог даст ему перевал; если будет переходить через бурную реку, пусть даст переправу. Ты зовешь его ласкательно Бамсы. Пусть имя его будет Бамсы Бейрек, владелец Серого жеребца! Имя я дал, годы пусть судьба даст...

Баяндур-хан умирал. Рядом с ним были Алп Аруз, Аман, Газан, Карабудаг, Дондар, Бейбура, Бейрек и другие джигиты. Баяндур-хан лежал на ложе своем и говорил через силу:

– Джигиты, послушайте меня, услышьте слово мое. Я должен покинуть сей мир. Не оттого я плачу, что не наслаждался жизнью, не натешился властью. Не оттого я плачу, что не на коне погиб, не в битве с врагами, а умираю дома, в постели. Я оттого плачу, джигиты, что нет у меня сына, нет брата. Видно, Всевышний оставил меня, джигиты. Кто мне наследует?

Алп Аруз, Газан и другие в волнении слушали Баяндур-хана. Баяндур-хан говорил:

– Джигиты, выслушайте мое последнее слово, узнайте мой завет. Дабы после смерти моей не пропала страна, не распалась держава, а недруги, увидев наш народ без главы, не двинулись на нас, нужно, чтобы мой венец и мои земли унаследовал удалой джигит.

Алп Аруз весь напрягся. А Баяндур-хан закончил так:

– Завещаю мой венец и земли зятю моему Газану, сыну Салора. У Алп Аруза с усов закапала кровь.

Баяндур-хан смежил веки. Газан вложил ему в руку большой камень. Из последних сил Баяндур-хан сжал в ладони этот камень и умер. Его накрыли черным покрывалом и положили на грудь его зеркало.

Заговорил Гавалдаш. На вершине Высокой горы Бекил развел два костра. Скорбная весть полетела от горы к горе. На вершинах загорались двойные костры.

Тело Баяндур-хана подняли, на его место положили камень. На могиле зажгли свечи, запалили огни.

В логове льва у Белой скалы собрались джигиты. Газан на буром коне стоял лицом к лицу с огузскими всадниками. Джигиты накинули на шею Газану шелковый аркан, скинули его с коня на землю. Газан забарахтался. Джигиты ухватились за концы аркана и стали тянуть. Газан чуть не задохся. Но – таков обычай. Таков обряд избрания хана.

В глазах одного из тянувших веревку – Алп Аруза – была такая злоба, будто он и в самом деле готов был задушить Газана. Напротив, Бейрек делал это нехотя. Наконец джигиты немного ослабили петлю и спросили Газана:

– Сколько лет сможешь быть нашим ханом?

Газан прохрипел:

– Сколько у меня на лбу написано.

Сняли с шеи Газана петлю, посадили его на войлок, подняли высоко над головами, трижды прокрутили под солнцем. Завершая каждый круг, кланялись ему. Звуки Гавалдаша сопровождали обряд.

Газана отнесли и посадили на трон Баяндура.

Газан сказал:

– Да будет Бейрек моим визирем!

В стороне злобно следил за всем этим Алп Аруз. Он торопливо вытирал усы. С усов его капала кровь.

...Когда стемнело, Алп Аруз шептался в развалинах с человеком под черным башлыком, что-то ему бормотал. Человек под черным башлыком покивал головой, соглашаясь, воровато подкрался к хлеву, содрал с копыт одной из лошадей подковы, перековал ее наоборот, потом сел на коня и тихо удалился. На земле остались следы. Любой, глядя на эти следы, подумал бы, что всадник не отсюда выехал, а сюда приехал.

Кыпчак Мелик был предводителем половцев. Его лагерь размещался на недостижимой вершине и напоминал орлиное гнездо. У людей этого племени был грозный вид. На них были шубы из шкур диких зверей, на головах – косматые папахи, лица же безволосые. У Кыпчак Мелика тоже было безволосое лицо, а висящая ниже подбородка ленточка бороды делала его похожим на козла.

Трон Кыпчак Мелика помещался на высоком помосте. Помост был очень широкий. Здесь был и трон Кыпчак Мелика, и его ложе. На этом помосте, кроме самого Кыпчак Мелика, было еще девять черноглазых, светлолицых, длинноколых красавиц. Руки их до запястий были выкрашены хной, пальцы тонкие, шеи длинные. Кыпчак Мелик веселился с ними. Девушки подавали ему вино в золотых кубках.

Кыпчак Мелик никогда не сходил с помоста. Когда надо было куда-то отлучиться, коня подводили к помосту, и он прямо с трона спрыгивал коню на спину. Сидящие внизу воины стелились под ноги коню Кыпчак Мелика и, пока вождь не проезжал по их спинам, они не поднимали лиц от земли.

Помост был богато изукрашен. Столбы были отделаны дорогими камнями, края – павлиньими перьями. Всюду висели змеиные шкуры. Племя поклонялось змеям.

Возвращаясь после набегов, Кыпчак Мелик ел и пил с девятью наложницами, развлекался и наслаждался на глазах у всех воинов племени.

Всадник под черным башлыком прискакал сюда. Он не убрал с лица черной накидки, не снял одежды, но обувь снял – пред Кыпчак Меликом можно было предстать только разутым.

Всадник под черным башлыком поклонился Кыпчак Мелику и сказал:

– Эй, Кыпчак Мелик! Что ты праздно сидишь? Хан ханов Баяндурхан приказал тебе долго жить...

Кыпчак Мелик, оторвавшись от губ черноглазой красавицы, обронил небрежно:

– Знаю! На венец и земли метил Алп Аруз-Лошадиная морда, но занял их сын Салора Газан. Аруз хочет отомстить Газану, поэтому послал тебя ко мне. Но ты скажи Арузу, что время еще не пришло. Если мой змей будет благосклонен ко мне, погублю я Газана, потушу его очаг, свяжу его белые руки за спиной, отрежу его чернокудрую голову, выпущу его алую кровь, разрушу и разграблю его дом и весь край, уведу табуны его коней, стада его верблюдов, отары его овец; красивых девушек приведу сюда, заташу к себе на ложе! Пусть только время придет...

Когда задули прохладные рассветные ветры, запели сереброгорлые жаворонки, заржали бедуинские кони, когда было не темно и не светло, когда солнце едва коснулось прекрасных гор, Бейрек встал, сел на своего Серого жеребца, выехал на охоту.

Неожиданно перед Бейреком пробежало стадо джейранов. Бейрек кинулся вслед, долго за ними гнался и оказался на Фиалковой поляне – Гыз-Беновшá. Смотрит – какое место! Цветы кругом. Лебеди, журавли, турачи, куропатки... Студеные воды, рощи, луга...

Видит, в этом-то прекрасном месте, на зеленой траве стоит красный шатер.

– Господи, чей бы это мог быть шатер? – подивился Бейрек.

Он не знал, что этот шатер был пристанищем ясноокой девы. Не знал этого Бейрек, но подогнал свою добычу прямо к шатру. Пристрелил джейрана.

Банучичек увидела это из шатра и сказала няне своей, Гысырджа Енгя:

– Няня, не хочет ли джигит показать нам свое мужество? Пойдите, потребуйте у него доли, посмотрите, что он скажет.

Гысырджа Енгя вышла из шатра, поздоровалась с Бейреком.

– Эй, джигит, – молвила она, – удели нам часть этого джейрана.

Бейрек отвечал:

– Я не охотник. Берите себе всего джейрана. Это ваша добыча. Но не в обиду будь спрошено, чей это шатер?

Гысырджа Енгя молвила:

– Джигит, это шатер дочери Бейбеджана – Банучичек.

Кровь Бейрека закипела, жилы вздулись, но он учтиво повернул назад. Гысырджа Енгя положила джейрана перед Банучичек. Банучичек молвила:

– Няня, что это за джигит?

Гысырджа Енгя отвечала:

– Ей-богу, госпожа, этот воин на сером жеребце – добрый джигит.

Банучичек молвила:

– Эх, няня! Мой покойный отец говаривал: я выдам тебя за Бейрека на Сером жеребце.
А вдруг это он и есть? Позови его, я расспрошу, кто он таков.

Гысырджа Енгя позвала, Бейрек вошел. Банучичек закрылась чадрой, стала спрашивать:

– Откуда ты родом, джигит?

– Из края Баят – страны огузов.

– В краю Баят кто ты таков? Кто твой отец?

– Я сын Бейбуры – Бамсы Бейрек.

– За каким делом ты пришел, джигит?

– У Бейбеджана есть дочь, пришел на нее поглядеть.

Банучичек молвила:

– Не такая она девушка, чтобы показаться тебе. Но я – няня Банучичек. Давай выедем вместе на охоту. Если твой конь обгонит моего коня, он обгонит и ее коня. Вместе выпустим по стреле. Если твоя стрела мою обгонит, то и ее стрелу обгонит. А затем поборемся с тобой. Если ты меня одолеешь, то одолеешь и ее.

Сели на коней, выехали на простор, пустили коней вскачь. Конь девушки обошел коня Бейрека. Выпустили стрелы. Стрела девушки обогнала стрелу Бейрека.

Девушка молвила:

– Знай, джигит, никто еще не обошел моего коня, никто не опередил моей стрелы. Теперь давай поборемся.

Бейрек спешился. Схватились они. Обхватили друг друга подобно двум богатырям. То Бейрек поднимает девицу, хочет бросить ее на землю – девушка выворачивается. То девушка поднимает Бейрека, хочет бросить его на землю – он высвобождается.

Бейрек подумал: «Если эта девица одолеет меня, то среди огузов уделом моим будут насмешки и обиды». Он крепко обнял девушку, прижал к груди. Она противилась, но Бейрек обхватил ее стан, достал кинжал, приблизил острие к ее горлу.

Девушка молвила:

– Джигит, я дочь Бейбеджана – Банучичек!

– Эх, госпожа! Когда среди наших девушек-невест пойдет разговор, ты небось встанешь и начнешь хвастать: мол, я обогнала коня Бейрека, моя стрела обогнала стрелу Бейрека – и опозоришь меня. Глаз мой от тебя отвернулся, сердце отошло. Убью тебя!

Банучичек молвила:

– Мой джигит! Хвастать муж должен, он – лев! Хвастать женщине не пристало. Похваставшись, женщина мужчиной не станет. Под одним кровом я с тобой не спала, под красным пологом не шепталась. Пусть знает земля, пусть знает небо: я – твоя нареченная, пожалей меня, джигит!

Бейрек рассмеялся:

– Красавица моя с тонким станом, да разве я смогу убить тебя? Себя убить позволю, тебя – нет. Я тебя испытывал!

Так он сказал, трижды поцеловал ее, снял с пальца золотое кольцо, надел его на палец девушке.

– Да будет это порукой между нами, ханум! – молвил он.

Девушка говорит:

– Раз уж так получилось, надо идти вперед, джигит.

Бейрек отвечает:

– Что ж, ханум, я готов.

Банучичек сорвала пучок травы и протянула Бейреку.

– Возьми, – сказала она, – это полынь-трава. Понюхав ее, вспомни обо мне.

Бейрек пришпорил коня, поскакал. Банучичек смотрела ему вслед. Бейрек на коне летел как на крыльях, глаза его блистали. Он напевал:

– Счастье мое, красный угол моего дома! Когда выбегает из дому, не приминает земли. Черные волосы обвивают лодыжки.

Съест миндалину – словно отяжелел тонкий стан, Сросшиися брови напоминают лук, Рот не вмещает сразу двух гранатовых зерен, Алые губы – точно капли крови на снегу! Любимая, красавица, невеста...

Перед глазами его оживала Банучичек: то на коне скачет, то стрелу выпускает, то полынь срывает...

Бейрек стоял перед отцом своим Бейбурой.

– Сын мой, – сказал Бейбура, – что ты видел сегодня любопытного среди огузов?

– Что мне видеть, дорогой отец? У кого есть сын, тот его женит, а у кого есть дочь, тот выдает ее замуж.

– Может, и тебя женить, сын мой?

– Да, дорогой отец.

– Чью дочь взять за тебя?

– Отец, возьми за меня такую девицу, чтобы не успел я встать, а она уже на ногах; не успел сесть на коня, а она уже в седле.

– Сын мой, ты хочешь себе не девицу! Ты желаешь себе джигита, чтобы за его спиной есть, пить, веселиться.

– Да, родной отец, я так хочу. Неужто жениться мне на какой-нибудь неженке, чтобы она падала от ветерка?

– Сын мой, тогда девушку найди ты, а я устрою все остальное.

– Я уже нашел, отец.

– Кто она?

– Дочь Бейбеджана – Банучичек. Бейбура задумался.

– Сынок, – сказал он, – мы еще в колыбели обручили тебя и Банучичек. Но Бейбеджан умер, власть над девушкой перешла к ее брату Кочару. А он какой-то шальной. Его так и зовут – Дели Кочар. Он поклялся: мол, не отдам сестру замуж. И всех убивает, кто хочет жениться на ней.

– Что же нам делать?

Бейбура снова погрузился в раздумье:

– Кто может пойти сватать ее? Только Деде Коркут, если возьмется. Может быть, Дели Кочар уважит кобзу Деде. Давай посоветуемся с Деде Коркутом.

Деде Коркут молвил:

– Пошлете меня – пойду. Но вы и сами знаете, что Дели Кочар не различает, кто молодой, кто старый. Приведите мне хотя бы двух быстрых коней. Будет бегство и погоня – на одного вскочу, другой в поводу пойдет. Так и спасусь.

Деде Коркута одобрили. Привели двух коней. Деде сел на одного, другой пошел в поводу.

– Да поможет нам Бог! – сказал Деде и ускакал.

...Шатер Дели Кочара стоял подле русла высохшей реки. Кочар перебросил мост через безводную реку и принуждал путников по этому мосту проходить. С проходящих он брал тридцать монет, а с мимо идущих битьем выколачивал сорок.

Вот и сейчас он избивал какого-то купца. Купец, плача, приговаривал:

– Ай, джигит, зачем ты так поступаешь, зачем заставляешь с прямой дороги сворачивать на этот негодный мост?

Дели Кочар орал:

– Что ты сказал, сам негодный и сын негодного? Есть ли кто-нибудь яростнее меня, сильнее меня, чтобы мне перечить! Моя богатырская слава дошла до Греции, до Сирии! Десять тысяч врагов мне в забаву. Двадцать тысяч мне для разминки. Тридцать тысяч для меня трава. На сорок тысяч я прищуруюсь. Пятьдесят тысяч – с места не тронусь. Шестьдесят тысяч – не вскинусь. Восемьдесят тысяч – не дрогну. Девяносто тысяч – не умолкну. Сто тысяч – не растеряюсь, возьму в руки свой непреклонный меч, взмахну мечом, снесу им головы, а уж тогда остановлюсь. Есть ли такие удалые джигиты, как я?

Кочар избивал купца и повторял:

– Не хотите проходить по мосту, черт с вами, но платите тогда сорок монет.

Купец спросил:

– Хорошо, а сколько ты возьмешь, если мы пройдем по мосту?

Дели Кочар молвил:

– Если пройдете по мосту – тридцать.

Купец высыпал деньги на ладонь Дели Кочара, погнал верблюдов по мосту.

Дели Кочар расхохотался, глядя им вслед, потом выпил огромный кувшин вина – вино лилось ему на усы, на подбородок, на шею.

Он все пил и пил. В это время подъехал Деде Коркут, спешился, поздоровался.

Дели Кочар, все еще не отрываясь от кувшина, посмотрел на Деде Коркута, потом отвечал насмешливо:

– Ну, здравствуй!

Еще немного отпил и закричал:

– Эй, ты, чей ум расстроен, чьи поступки нелепы, на чьем лице Всемогуший написал приговор! У кого есть ноги, тот сюда не идет. У кого есть губы, из моей реки не пьет. Что с тобой? Или настал твой смертный час? Что тебе здесь делать?

Деде Коркут молвил:

– Я пришел подняться на твою отвесную гору. Я пришел переправиться через твою многоводную реку. Я пришел быть сжатым твоей тесной пазухой, быть придавленным твоим широким сапогом. Ту, что светлее месяца, ту, что чище воды, сестру твою Банучичек пришел я сватать за Бамсы Бейрека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.